

Епископ Дионисий (Алферов)
Священник Тимофей (Алферов)

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ИДЕАЛЫ

И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ЦЕРКОВНОГО ПУТИ

**Дионисий Алферов
Тимофей Алферов
Евангельские идеалы
и исторические реалии
церковного пути**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39427023

*Евангельские идеалы и исторические реалии церковного пути. / Епископ
Дионисий (Алферов). Священник Тимофей (Алферов): Перо; Москва;*

2018

ISBN 978-5-00122-664-2

Аннотация

Сборник статей известных православных авторов, написанных в продолжение последних десяти лет, предоставляет читателю возможность глубже понять суть драматических явлений в православной жизни и, что особенно важно, исторические корни происходящего сейчас. Если вы уже задумывались, почему реальное православие так не похоже на лубок, то эта книга для вас.

Содержание

Проблемы современного православия (вместо введения)	4
Главная внешняя угроза: глобализм и либерализм	4
Церковно-государственные отношения	8
Основные внутренние проблемы официальной церкви	12
Проблемы неофициального православия	16
Минимально необходимые меры оздоровления	21
Фарисейская закваска	24
Исторические поправки к каноническим рассуждениям	50
О каких внецерковных обществах упоминал Василий Великий	51
О каких церковных партиях он не упомянул	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Епископ Дионисий
(Алферов). Священник
Тимофей (Алферов)
Евангельские идеалы
и исторические реалии
церковного пути**

**Проблемы современного
православия (вместо введения)
Епископ Дионисий**

**Главная внешняя угроза:
глобализм и либерализм**

В XX веке главной внешней опасностью для всего христианства был коммунизм с его богоборческой идеологией. После падения коммунистических режимов и распада СССР установился однополярный мировой порядок во гла-

ве с США, не считающимися с международным правом, стремящимися все более упразднить реальный суверенитет отдельных стран, навязывающими всем единое глобальное устройство. Глобализм упраздняет все демократические свободы XX века и стремится установить полный и жесткий контроль над каждой человеческой личностью. Глобальный миропорядок с единым мировым правительством и таким тотальным контролем над всеми людьми планеты вполне соответствует православному представлению о царстве антихриста, имеющем возникнуть в конце мировой истории.

Внутренней идеологической основой глобализма является антихристианский либерализм. Это целостное мировоззрение, отрицающее по сути все христианские понятия и ценности. Творение мира, как свободный акт благого разумного Бога, заменяется эволюцией, учение о сотворении, грехопадении и искуплении человека заменяется антихристианским гуманизмом, отрицающим понятие греха и искупления и утверждающим естественность греховных страстей. В последние десятилетия на основе либерализма Запад строит постхристианскую цивилизацию с содомской субкультурой во главе. Содомия возведена в норму (порой предпочтительную), однополые “браки” с усыновлением в них детей узаконены, равно как и изменение пола, аборт, эвтаназия, ювенальная юстиция и проч.

Либеральные темы: однополые “браки”, женское “священство” и т. п. были преимущественными темами обсуждения

на экуменических площадках последних двух десятилетий. Таким образом, первоначальный экуменизм, декларировавший свое стремление к межконфессиональному христианскому единству на базе общей веры первых 4–5 веков христианства, позабыл свою мечту и окончательно превратился в орудие распространения и внедрения либеральной идеологии, либеральных ценностей и практик во всех христианских конфессиях.

Поэтому перед современным христианским сознанием стоит задача противостояния, во-первых, антихристианскому глобализму, как надгосударственному миропорядку под эгидой США, и во-вторых, либерализму, как идейному основанию глобализма, упраздняющему христианские ценности и с ними все библейские богоустановленные нормы человеческого общежития. Как гласил Воинский Устав Петра 1: “Фронт выстраивается в ту сторону, где находится неприятель”, а не в ту, – подчеркнем, – где он находился вчера.

Государство, церковь, общество, не желающее подчиниться глобализму, должно ориентироваться на следующие две задачи.

Во-первых, полную независимость от глобалистских структур, как всего сообщества в целом, так и каждого отдельного члена. Христиане не должны быть проводниками и пособниками глобализма (пусть даже по неведению); церкви и объединения не должны быть “некоммерческими обществами”, прямо или косвенно финансируемыми из глобаль-

ных фондов. Следует “делать все противное тому, чего желает неприятель”, как повелевал император Александр 1 в начале войны с Наполеоном, имея значительно меньше сил, чем противник. Христиане не должны участвовать ни в каких акциях и мероприятиях, проводимых, организуемых и финансируемых глобалистами.

Во-вторых, следует оказать посильную поддержку той государственности, которая противостоит глобализму (конкретно, в данное время, Российской), по крайней мере, не мешать тем ее действиям, которые, укрепляя суверенитет страны, объективно противостоят глобализму.

Церковно- государственные отношения

Главной церковной проблемой XX века было “сергианство” – сервилизм по отношению к антихристианской, богоборческой власти в своей стране. Коммунистический режим ставил своей задачей ликвидацию веры в Бога вообще и церкви в частности, а также воспитание “нового человека” на базе атеизма и материализма. Официальная церковь, Московская патриархия, поддерживала этот режим, утверждая, что в СССР нет гонений на религию и права верующих. Неофициальная, катакомбная церковь находилась в подполье с минимумом контактов с советским обществом. Зарубежная церковь обращалась к правительствам Запада и международным организациям в защиту прав верующих. Так или иначе, предположение о том, что именно безбожный коммунизм построит единый мировой порядок, раздавив сначала все свободные страны, было общепринятым и небезосновательным.

За четверть века, прошедшие после падения коммунистического режима, обстановка коренным образом изменилась. Государство в России и бывших советских республиках предоставило почти полную свободу совести и религиозной деятельности (имеются ограничения лишь для сект и культов, имеющих выраженный антигосударственный ха-

рактер). Коммунистическая идеология утратила практически всех сторонников и стала маргинальной. Современная официальная идеология компартий больше похожа на правосоциалистическую, чем на марксистскую в ее прямом и изначальном смысле. Более того, среди современных идейных атеистов, готовых отстаивать свои атеистические убеждения, коммунисты составляют меньшинство, а официальные коммунисты против религии и церкви ничего уже не имеют. Во всяком случае, ничего похожего на идеологическое поле времен СССР нет, идеологическая палитра совсем иная. Радикально изменилась и государственная политика в отношении церкви. Государство разрешило восстановить и построить заново тысячи храмов и монастырей, профинансировав главные из этих строек за счет федерального и местных бюджетов. Это составило самое масштабное храмоздательство во всей истории России. При содействии государства открыты десятки семинарий, сотни православных школ, курсов, библиотек, действуют несколько общероссийских и десятки местных теле-радио-каналов, проводится множество церковно-культурных мероприятий. Число церковно-практикующих православных увеличилось до 10–12 %, а считающих себя православными – до 65 % и более.

Введены уроки основ православной культуры в большинстве школ, открыты кафедры православной культуры и институтские храмы во многих вузах, включая военные академии. Сложилась прослойка православной общественности

(интеллигенции), которая в основном и занимается православным просветительством и культурным творчеством. В последние годы государство уже официально объявило защиту традиционных ценностей (по сути своей, библейских): религиозных, нравственных и семейных, и, пусть не всегда последовательно, но пытается противостоять “евросодому” на законодательном и административном поприще.

При этом отношения государства с официальной церковью перестроились в сторону партнерства двух независимых сторон, в отличие от полного господства государства над порабощенной церковью, как в советское время. Официальная церковь самостоятельно управляется, подбирает себе кадры, имеет широкие международные связи, собственную солидную экономическую базу и далеко не во всем поддерживает политическую линию государства.

Но это обогащение и свобода самоуправления официальной церкви принесли ей новые проблемы.

Следствием этой свободы и отсутствия внешнего контроля со стороны государства стало обмирщение, породившее многие нравственные (содомия, но не только!) и экономические преступления, совершаемые церковной иерархией практически всегда совершенно безнаказанно. Бесконтрольность лидеров церковной корпорации, выведение ее из обычного правового поля, провоцирует этих лидеров простираťся на горшее. Такого положения, как в церкви, нет ни в одной отрасли государственного управления, где чиновников,

даже высокого ранга, периодически смещают, а иногда привлекают к ответственности. Поэтому ныне претензии обращаются уже не к государству, больше не угнетающему церковь, а к ней самой, злоупотребляющей предоставленной ей свободой.

В доказательство мы можем отослать читателя к нашумевшим разоблачениям протодьякона Андрея Кураева в его блоге со множеством откликов и подробностей, но, безусловно, он здесь свидетель не единственный.

Основные внутренние проблемы официальной церкви

Еще на предыдущем “сергианском” этапе у официальной церкви (МП) сложился взгляд на саму себя, как прежде и паче всего на административную, жестко централизованную структуру со своей “корпоративной этикой”, отнюдь не совпадающей с евангельскими заповедями. Суть этой “корпоративной этики” в круговой поруке и заговоре умолчания относительно любых нравственных преступлений иерархии. Главной ценностью совершенно официально провозглашается “благо церкви”, то есть, благополучие корпорации и ведущего ее слоя, ради чего оправдываются любые жертвы совестью.

Служебное положение церкви по отношению ко Христу и вверенной от Него пастве совершенно позабылось.

Полученная в последние два с половиной десятилетия свобода от государства окончательно превратила официальную церковь в систему со своей вертикалью власти, начинающая с патриарха и синода, фактически заменивших собою поместные соборы, и кончая отдельной епархией, во главе с местным епископом, порой подминающим всю церковную жизнь под себя. Епископ почитается местным “церковным губернатором”, хотя объем его власти в епархии значительно выше, а степень ответственности значительно ниже, чем

у светского губернатора. Патриарх сознает себя и мыслится окружающими, как церковный монарх, превосходящий объемом власти в церкви любого президента в своей стране. А вот рядовой пастырь, приходской священник, зачастую оказывается на положении почти крепостного по отношению к церковной номенклатуре: его могут в любой момент разлучить с паствой, перевести на другой приход, отправить за штат, без надежды на судебную апелляцию. При этом евангельское учение о христианском пастырстве по образу истинного Пастыря – Спасителя Христа совершенно забывается. Такое понятие сохранилось у части духовенства, но и там оно часто подавляется местной церковной властью, подбирающей клир по образу и подобию своему, а отчасти подвергается искажениям в духе лжестарчества.

Само новозаветное понятие о местной церкви как, прежде всего, евхаристической общине (париики) верных, подобной большой семье, заменено понятием экономической единицы (рентабельной торговой точки), в которую превращается приход. (Если же община складывается независимо от епископской власти, то и она зачастую находится под угрозой расточения, ибо иерархии объективно выгодна не она, а именно рентабельная торговая точка.) Именно в общине христиане, прежде всего, осуществляют заповеди о братолюбии, взаимной помощи и прощении. Дух христианского братолюбия, царящий в общине, имеет и важное миссионерское значение, показывая внешним превосходство новой

жизни во Христе. Недаром поместный собор Русской церкви 1917-18 г уделил большое внимание возрождению приходской и епархиальной жизни в евангельском и апостольском духе. Именно такие возрожденные парики русской церкви смогли противостоять гонениям 1920-30-х годов.

Между тем, превращение церкви в систему с экономическими целями приводит к ее полному искажению даже без всякого изменения догматического учения. Корпоративная солидарность вместо евангельской нравственности, круговая порука на грехах вместо христианского братолюбия уничтожает христианскую мораль. Особенно наглядными примерами здесь служат содомия, все более расширяющаяся в епископате и высшем эшелоне, с которой невозможно бороться из-за круговой поруки, а также финансовые злоупотребления и коррупция в особо крупных размерах, также связывающая всю систему железной цепью.

Из-за аморальности в официальной церкви имеется очень большой процент неканонического и явно противоканонического духовенства. При этом каноны церкви, касающиеся требований к ставленникам и к священству, не отменены, но на деле игнорируются, а епископы формально считаются монахами. Как и всегда бывало в истории, узаконенное лицемерие более всего отравляет и самих его носителей, и церковную жизнь в целом.

Недаром многие церковные обозреватели считают необходимым, хотя и недостаточным для ограничения зла, госу-

дарственный контроль над церковными кадрами и финансами, привлечение к ответственности иерархов – содомитов и коррупционеров, и вообще, ограничение льгот иерархии, введение ее в общее правовое поле.

Проблемы неофициального православия

Неофициальное российское православие за последние двадцать лет явно деградировало, особенно после присоединения Синода РПЦЗ к Московской патриархии и распада не признавшей это деяние части на осколки. В своей основной массе оно застыло на лозунгах середины XX века, на борьбе с “советской церковью” МП и с “наследием советчины”. Как и в 90-е годы многие альтернативные православные блокируются с либералами и русофобами (“оранжево-болотной” средой) и упорно не желают замечать реалий нынешнего дня: глобализма и либерализма. Кто-то повторяет путь греков-старостильников, упражняясь в изобретении новых анафем и новых чиноприемов людей из конкурирующих “осколков”. Как верно отмечено некоторыми религиоведами, современный фундаментализм (в т. ч. православный) только внешне драпируется под верность традиции, а на самом деле носит модернистскую, революционную природу. Это возможно, благодаря тому, что историческое наследие Церкви к нашему времени чрезвычайно обширно, и из него можно извлечь разные, слишком разные традиции; можно опереться на древнюю и католическую, а можно на новую и схизматическую традицию – результат получится до противоположности разным, хотя драпировка православной

фразеологией будет и там, и здесь. Путь схизматической традиции, путь фундаменталистский, проявляется в изобретении новых догматов (например, имяславия), новых анафем на всех несогласных, в отрицании благодати у всех, кроме самих себя, в канонизации темных личностей от Распутина и Ивана Грозного до Гитлера, и в общем духе неприязни к окружающим. Кто-то модернизирует учение старообрядцев об антихристе, который “невидимо царствует” в России (то ли 100, то ли 350 лет), кто-то считает, под какими анафемами находится русский народ, кто даже развивает новые учения об “арийском православии” и “православном гитлеризме”, демонстрируя уже откровенное язычество. Во всяком случае, общая деградация к религиозно-политическому сектантству налицо. Здесь явно не *апостол проповедания и отцев догматы* находятся в центре внимания, не евангельский идеал привлекает сердца. Все эти блуждания суть продолжение путей схизматических и сектантских, а не кафолического православия, как оно сформировалось в эпоху Вселенских соборов и Отцов. Схизматическое направление почти всегда следовало за кафолическим, как тень за светом, и пыталось выдавать себя за “чисто истинное” православие, но по сути таковым не являлось. Сказалась утрата подлинной традиции единой Зарубежной церкви с постепенным уходом в лучший мир ее живых носителей, пастырей с подлинно евангельской верой и духовной культурой. Смена пришла совсем иная.

Схизматическая идеология всегда опирается на нездорово-

вую духовность, свойственную маргинальной и начетнической среде. А альтернативное православие за последние десятилетия в значительной степени формируется из маргинальных элементов. К сожалению, вся православная общественность и интеллигенция, сформировавшаяся в эти годы в России, ориентируется на официальную церковь, где имеет школу и трибуну, на которые не могла бы рассчитывать в неофициальных “осколках”. А в эти “осколки” собираются множество разного рода “подпольных человек”, красочно описанных Ф. М. Достоевским (“Записки из подполья”) и И. А. Ильиным (“Аксиомы религиозного опыта”). Эти люди свою зависть и неприязнь к окружающим выражают, конструируя свое “истинное православие”. Подобное не раз бывало в истории, например, с донатистами и старообрядцами, которые массово принимали в свои ряды людей социального дна и под их влиянием революционизировались и духовно деградировали.

При этом даже сходный образ главного общего врага в лице Российского государства (“путинский режим”) и официальной церкви (МП) вовсе не способствует объединению в рядах альтернативных православных, которые раздроблены на ряд небольших соперничающих групп. Особой болезнью неофициального православия (как в большей мере и официального) является кричащее несоответствие между декларируемой догматической и канонической “чистотой” и реальной нравственной (и канонической тоже) нечистотой, при-

водящей к лицемерному фарисейскому благочестию и двойным стандартам. В противостоянии партии первосвященников (саддукеев) воспроизводится путь фарисеев, но не апостолов Христовых.

Искушением для современных альтернативных православных является попытка копировать официальную церковь в области церковного управления: создавать свои синоды с первоиерархами, приписывая им “по умолчанию” все полномочия всероссийской поместной церковной власти. Комически выглядит здесь и раздача тех же самых церковных наград и титулов. Забывается путь исповеднической катакомбной церкви в России, где епископы возглавляли добровольно признающие их общины, имели между собою молитвенно-евхаристическое общение, сохраняя при этом определенную независимость и равночестность, как это было и в древней церкви. Катакомбная церковь не знала синодов и первоиерархов, собраниям своих епископов не приписывала значения всероссийских поместных соборов. Главный упор был сделан на пастырские отношения иерархов с паствой, высокий морально-исповеднический уровень в общинах, взаимопомощь и поддержку. Попытки же нынешних альтернативных “первоиерархов” и синодов копировать официальную церковь, *покоряти под нозе своя* тех, кто их не признает, накладывать “интердикты” на непокорных, всегда проваливались. Ибо эти синоды, имея большую или меньшую каноническую ущербность, выражая интересы очень

ограниченных групп, и не имея признания со стороны любых других православных, не могут говорить языком власти. По сути, они являются лишь совещательными органами с ограниченными полномочиями (как бы церковными ООО – обществами с ограниченной ответственностью).

К сожалению, в последние годы все более маргинализирующееся альтернативное православие подражает официальной церкви не только в стилистике церковного управления, но и в том же самом обмирщении, в поиске покровительства от внешних спонсоров и политических сил (в т. ч. и глобалистских, антихристианских, русофобских). Неосергианство успешно распространяется и в среде неофициального православия.

Минимально необходимые меры оздоровления

Ищущие подлинного православного христианства признают неудовлетворенность общим состоянием нынешнего, как официального, так и неофициального православия. Недовлетворенность эта касается как духовно-нравственного состояния того и другого, так и расстановки приоритетов в богатом церковном Предании (что ставится важным, а чем пренебрегают), которая влияет на это состояние. Конечно, духовное здравие своей церкви может подать лишь Господь, как Источник всякой благодати. Пастыри церкви могут и должны постараться избегать распространенных, известных, описанных в литературе и познанных опытом, так сказать, типовых духовных болезней, ощутив их пагубность. Из этих болезней для неофициального православия наиболее актуальны фарисейство и связанный с ним фундаментализм. Фарисейский дух, фарисейская закваска прямо противоположна евангельскому идеалу и описана в Евангелии прямо. Но церковная история показывает нам примеры воплощения того же фарисейства в Восточной церкви. В течение многих веков оно настолько сильно проявлялось, что даже носило особое название: ипокрисия (лицемерие), “благочестие, застывшее в маске”. В последние века Византии эта ипокрисия тоже выдавала себя за истинное православие.

Итак, поскольку главенствующая и понятная болезнь описана и в Евангелии, и в истории Церкви, мы можем и должны в противовес ей возвратиться к **евангельской системе ценностей**. Господь наш Иисус Христос в своей евангельской проповеди подрывает самый корень фарисейства: корпоративную религиозную гордость, маскируемую внешними словами, обрядами, действиями.

Противостоит фарисейству прямо проповедуемое Господом братолюбие и смиренномудрие. Грех фарисейства заключался именно в легкости бросания анафемами и херемами, в легкости отлучения всех “чужих” от народа Божьего. Подлинное же, евангельское братолюбие противостоит корпоративной спайке именно тем, что ближнего своего готово разглядеть и в самарянине. Так и теперь для минимального оздоровления церковной жизни нам нужно хотя бы отказаться от практики выдачи анафем друг другу (под солидные проценты, с которыми они возвращаются).

И третья евангельская ценность – это разумное, взвешенное, независимое отношение к политической власти, подлинная независимость от нее, соединенная с отказом от революционной борьбы и поддержкой добрых начинаний власти, утверждающих библейские традиционные ценности. Из этой новозаветной позиции выросла большая Ирактика церковно-государственных отношений, плохо усвоенная до сих пор. За эту материальную независимость и духовную свободу христианам приходится платить бедностью и потерей ши-

рокой трибуны. Но это не должно менять самой позиции и практики нашей церкви.

В настоящем сборнике мы постарались обосновать изложенные выше краткие положения историческими иллюстрациями, наблюдениями за конкретными проявлениями современной церковной жизни. Нет ничего нового под солнцем, и в истории внутрицерковные и церковно-государственные отношения развиваются в разные века по сходным путям. Важно, что в широком церковном сознании эти пути осмыслены плохо, а часто заменяются красивыми общими схемами. А схемы эти неизбежно приводят к ошибочным выводам. Мы старались опираться на малоизвестные широкой публике, но надежные источники признанных авторитетов в русской исторической науке, преимущественно дореволюционного периода.

Итак, серьезное возвращение к евангельским идеалам, проиллюстрированным, раскрытым, осмысленным в богатой истории Православно-Кафолической церкви, – вот что надлежит сделать нам. Это означало бы поворот к Господу лицом с дальнейшим упованием на Его благу волю.

Фарисейская закваска Священник Тимофей

Последние пять лет истории Русской Зарубежной Церкви и всего неофициального православия в России поставили перед всяким думающим православным христианином новые и непростые вопросы.

Еще совсем недавно мы все верили в Зарубежную Церковь, почти как в 9-й член Символа веры. Мы верили, что опасность ей грозит в основном «слева», в плане объединения с Патриархией. А главное, мы верили, что она имеет какое-то свое внутреннее абсолютное превосходство над всеми иными деноминациями.

Прошедшие пять лет уничтожили все эти иллюзии на корню. Но они же послужили нам к отрезвлению. Конечно, мы потеряли не всех друзей, и не все церковно-иерархические структуры. Но осталось что-то такое, во что уже невозможно верить, как в девятый член Символа, осталось то, с чем приходится жить, в чем приходится участвовать.

Бесконечные ожесточенные споры за полную и совершенную «истинную Церковь». Маленький колющий кристаллик церковной чистоты вырывают друг у друга несколько десятков пар рук, как спасительный талисман, который даст решение всех проблем.

Слава Богу, что к нашему времени изобретен Интернет. Какие огромные потоки ненависти способен он разрядить в своих сетях! Если бы этой ненависти не было выхода, еще неизвестно, довелось ли бы автору писать эти строки.

Религиозная ненависть. Кому она теперь не знакома! Я глубоко убежден, что огромное большинство современных публицистов неофициального православия водятся не какими-то корыстными целями, не авантюрами, даже не тщеславием и спорливостью. Все эти мотивы (хотя они и присутствуют) не способны разбудить в человеке такого прилива самой настоящей религиозной ненависти, если не будут осквящены неким глубоким чувством божественной правды, мнимой, разумеется. И мои ненавистники стали мне невольно хорошими наставниками. Они меня самого излечили от этого же недуга, которым я сам болел еще несколько лет назад, пусть не в столь тяжелой форме.

Источником религиозной ненависти является религиозная вера. Крепкая, но соскользнувшая с главного предмета своего, на нечто второстепенное. И здесь невольно приходят на память евангельские аналогии.

Задумаемся, за что Иисус Христос так сурово осудил собственный народ, Город и Храм, обрекши их на гибель? Понятно, что обличал первосвященников (семейство Каиафы, кстати, проклято даже в Талмуде за всякие злоупотребления при Храме), понятно, что обличал фарисеев. Ну, сменил бы

дом Анны при Храме. Ну, посрамил бы ту и другую раввинскую школу, утвердив свою. Частные пороки и врачуются частным образом.

Рассмотрение 23 главы Евангелия от Матфея оставляет впечатление недосказанности. Ну, положим, лицемеры любят первые места, презируют вдов, лицемерно долго молятся, забыли суд, милость и веру, красят гробницы пророков. Да, это нехорошо. Но это относится только к книжникам, к раввинам, то есть к возглавителям народа.

И только за это весь иудейский народ так жестоко приговорить к уничтожению со всеми святынями? Это ужасно. Для такой кары нужен какой-то общий грех всего еврейского народа, как целого, от которого свободными могут быть лишь единицы. Этих-то Он и изведет, и спасет. Остальным не будет пощады, потому что они все виновны в каком-то ином, более глубоком и общем грехе.

Есть замечательная повесть священномученика Анатолия Жураковского «Иуда». Там главный мотив Иудина предательства – это последнее осуждение Храму, высказанное Иисусом в среду перед страданием. Конечно, предательство в душе Иуды начиналось раньше, но решительный момент – здесь. Мессия, проклинаяющий родную святыню, не может быть истинным Мессией. Он лжец, и за это его нужно срочно предать смерти. Вот приблизительная мотивировка предательства, предложенная автором. Звучит очень правдоподобно.

Но что же это за страшный общееврейский грех?

Вы скажете: они не поверили в Него, как Мессию. Отчего же не поверили? Оттого именно, что хотя Он творил множество добрых дел, но сюжет Царства Божия изложил в противоречии с еврейским народным чаянием. Впустил на свой пир людей из-под забора. И словом, и притчей, и делом. Это и привело их к неверию в Него. Ведь поначалу вроде бы поверили (см. Ин. гл. 2, первая Пасха в Иерусалиме).

Он вел себя со властью, как Мессия, полномочный представитель Яхве, собирающий Его народ. Но место в этом народе Он постоянно давал тем, кто (по неоспоримым иудейским понятиям) не должен был бы иметь на это права. Прощая грехи мытарям и блудницам, очищая прокаженных, причем, делая все это минуя жертвы и Храм, Он возвращал людям право принадлежать народу Божию. И множество поучений и притч Иисуса посвящено той же тематике, как последние и первые поменяются местами. Мытарь с фарисеем, младший блудный сын со старшим не блудным, покинувшим пир Отца. Потрудившиеся один час уравниены в заработке с теми, кто наняты на весь день. Сын, согласившийся работать, не стал этого делать, а отказавшийся – начал работать. А многие благодеяния и великие обетования самарянам и язычникам! А бесконечные обличения иудейской гордости!

И все это со властью, с неземной, сверхчеловеческой силой. И всем этим наполнены евангельские страницы!

Иисус призывал к покаянию с самого начала. Но что это

было за покаяние, что было в нем особенного? В частных грехах евреи каялись постоянно, система омовений и жертв работала. Никто из раввинов не был бы против того, чтобы любой грешник исправил свой частный грех.

На самом деле Иисус приговорил еврейство за то именно, что, присвоив Царство Божие себе, они не захотели подвигнуться и дать место своим простецам (галилеянам, например), а также самарянам и язычникам. За то, что они хотели добиться Царства Божия мечом и войной с Римом. Ублажающий плачущих, кротких, милостивых и миротворцев, учащий подставлять другую щеку и работать носильщиком на римлянина не одно поприще, как положено по уставам, а два, – говорил все это не случайно и не вне политического контекста своей конкретной исторической ситуации. Он обращался к людям, давно скрежещущим зубами и давно ждущим в лице Мессии победоносного мстителя за вековые обиды и унижения еврейства.

В абсолютном чувстве национального превосходства и в желании утвердить его мечом – в этих двух вещах концентрировался весь грех всего еврейства I века. Об этом и сказал Иисус: покаяйтесь. Не захотели. – Ну, тогда, извините, получите то, за что боролись.

Впервые в современной библеистике на мессианские революционные чаяния евреев I века обратил внимание митрополит Антоний (Храповицкий). В современной библеистике, гораздо лучше знакомой с иудейской атмосферой

евангельских времен (особенно после Кумрана), эта идея получила полное подтверждение и дальнейшее развитие.

Нам следует рассмотреть евангельскую историю и книгу Деяний Апостолов на фоне общей иудейской истории I века. Поразительные аналогии с современностью невольно и неизбежно придут на ум.

В современном словоупотреблении слова фарисей и лицемер стали синонимами. На самом деле это неверно. Кроме того, современное христианское сознание не всегда осознает разницу и проводит четкую грань между фарисеями и саддукеями. Оттого нам не вполне ясен смысл слов Спасителя, чтобы остерегаться закваски фарисейской и саддукейской (в Мк. 8,15 вместо слова “саддукейской” стоит слово “иродовой”). Часто полагают, будто в этих словах Иисус сводит воедино обе ведущих иудейских партии, показывая, будто они в принципе друг от друга не отличаются, будучи равно воплощением лицемерия. На самом деле, эти партии как раз противостоят друг другу, притом в совокупности охватывают практически все иудейское сознание, а Иисус пролагает *узкий путь* между двумя этими пагубными крайностями.

Партия саддукейская (иродова) главенствовала при храме, была тесно связана с римской администрацией. Ни для кого не было секретом, что первосвященники из саддукеев поставлялись под контролем римлян, и что вся эта церковно-административная система была насквозь коррумпированной. Вместе с тем саддукеи четче и буквально держались

текста Торы, избегали преданий и апокрифов, изобретением которых постоянно занимались фарисеи. Эта партия была не только коллаборационистской, но, и если так можно выразиться, более “академичной” по отношению к Закону. Именно поэтому саддукеи и не верили ни в бытие души после смерти, ни в воскресение, ибо прямым и недвусмысленным языком эти догматы не утверждаются в Торе, а содержатся в ней имплицитно. Кто был большим традиционалистом: фарисеи или саддукеи? – вопрос, признаться, очень сложный. Но независимо от ответа на него, именно саддукейская партия являлась “левым крылом” иудаизма, и во многом напоминает современное руководство официальных церквей, политически зависимое, коррумпированное, обмирщенное. Саддукеи – это “сергиане” первого века. Иудейская война 70 года полностью их уничтожила, преимущественно руками иудейских zelотов.

Будем по слову Господа остерегаться этой закваски! Слово “закваска” в словах Господа имеет более широкий смысл, чем “учение”. Это больше, чем учение. Это весь стиль мысли и жизни.

Но есть и другая закваска – фарисейская, и она тоже больше, чем учение, это тоже стиль духовной жизни. Если саддукеи держали в руках Храм, то фарисейские раввины держали в руках народное сознание. Именно они были главными наставниками народа. Именно они играли на народном обрядовости и тяге к таинственному. В их среде зрели и самоиз-

мышленные предания и апокрифы, басни и притчи, вошедшие впоследствии в Талмуд. Талмуд, собственно и остался, как памятник фарисейской мысли. И наиболее важная черта фарисеев (по крайней мере, их главенствующего в I веке “правого крыла”) – мечта о национально освободительной мессианской войне. Они, собственно, и подняли эту войну, погубившую Город, Храм и всю Иудею.

Новый Завет приводит нам, по меньшей мере, два примера лицемерных фарисеев. Это Никодим и Савл, ставший Апостолом. Не так страшен был бы Савл, если бы он был лицемером, – может быть, меньше было бы в нем ненависти к христианам. Но он был совершенно искренним. Его обращение не есть плод только одной его искренности, но и еще чего-то иного, чего не было у фарисеев – вождей Иудейской войны. В своей искренности он не утратил и способности к любви, а зелоты ее-то и утратили. Однако в искренности этих фанатиков сомневаться не приходится. Это была самая горячая и самая искренняя религиозная ненависть ко всему языческому, ко всему римскому, ко всему не еврейскому. Ненависть, как будто одушевляемая любовью к своему родному, еврейскому, к отеческому закону и отеческим гробам. И лицемерие вошло в фарисейскую искреннюю патристическую любовь лишь как следствие того, что ощущение национальной исключительности, градус национальной гордости и степень презрения и отвращения ко всему чужому превысили некий критический уровень. При римском вла-

дычестве эти гордость и презрение не находили себе открытого выхода, они копились в сердцах и постепенно их отравляли. Слишком много ненависти накопилось в фарисейском патриотизме, чтобы он мог оставаться искренним.

И в отношении фарисеев мы четко видим их современный аналог. Это старцы (правильнее сказать – лжестарцы), возглавляющие современное политическое православие. Бесконечные политическо-мессианские мечты. Будто стоит только изменить политическую власть и все станет в Церкви прекрасно. А вместе с тем – глубочайшая убежденность, что мы живем в последние времена, а если так, то настоящих христиан крайне мало, и это – только мы, больше никто.

Вот в чем смысл настоящей фарисейской закваски, как религиозного явления, отмеченного в Евангелии. А вовсе не только в тщеславии или лицемерии. Искреннее фарисейство, ищущее славы не своей, а Господней, но понимаемой неправильно, не по слову Господа, – его-то и описывает Павел в Послании к Римлянам, говоря о ревности не по разуму. Ревность не по разуму плавно переходит в безумие. Такой закваски нам тоже следует опасаться.

Не спасло фарисеев то, что они были чужды саддукейской закваски. Не спасло саддукеев то, что они остерегались закваски фарисейской. Подлинная, апостольская закваска Царства Божия – совсем иная.

Итак, Иисус был нетерпим ко греху национальной и конфессиональной гордыни. Главным образом за это его и не

приняли. Тогда, какой урок отсюда для нас?

Между прочим, личную и частную гордость осуждали и раввины. Многие фарисейские наставники ради смирения и примера ученикам физически трудились каждый день. Частным образом были смиренными. Да и какое вообще собрание людей потерпит в своих рядах гордецов и выскочек! Личную, частную гордость врачуют в любом коллективе люди любой религии. Иудеи тоже умели и смирять, и смиряться – каждый перед старшим или равным. Но что бы при этом какого-то язычника или грешника поставить рядом с правоверным иудеем? Ни за что!

И личная скромность никому из национально гордых не помогла.

Но вернемся ко временам нашим.

Столько заявок на исключительную истинность своей церкви, столько справок о ее исключительной законности. В этой атмосфере, право же, нужно повариться, нужно хорошо рассмотреть ее изнутри. Нужно понять, какие чувства рождает в человеке борьба за истинность своей церкви.

Ведь в нас должны быть те же чувствования, что и во Христе Иисусе, Который, будучи образом Божиим смирил себя воплощением и крестной смертью (см. Флп. 2, 6–7). Смирил Себя, среди прочего и тем, что первых сделал последними, а последних первыми, призвал и накормил незваных, очистил полотнище со всякими нечистыми животными и не ве-

лел их больше считать нечистыми (см. Деян. 10, 11–16), усадил язычников за трапезой Авраама, а мнящих себя законными сынами Царства прогнал во тьму кромешную.

И такому-то своему Богу начать доказывать: мы кристально чистая Твоя Церковь, Твой народ только мы и больше никто!..

В неофициальном православии этого наслушаешься до боли в ушах, в голове, в животе. Но те же самые речи постоянно мы слышим и от «правых» в Московской Патриархии. Их «секта» просто крупнее всех наших, но точно такая же уверенность в полной и абсолютной непогрешимости своего православия, при полном сознании множества безобразий в своей церкви. То же самое отождествление своей церкви с тою, которая исповедуется в 9-м члене. То же самое отождествление коллективной воли своей церкви с волею Христа. Те же самые бросания словами: церковь – это Христос; хула на нашу церковь – это хула на Святого Духа, отступление от нашей церкви есть отпадение от Христа. Та же абсолютная конфессиональная некритичность. И то же самое невежество, то же незнание новозаветной и церковной истории, то же состязание: как бы не оказать какого-то снисхождения к раскольнику или еретику, как бы не проявить к нему недостатка ненависти. А то ведь братья примут за отступника-экумениста.

Но так не может быть, чтобы одно и то же свойство человеческой природы, в индивидуальном выражении было греш-

нейшим из грехов, а в коллективном – высочайшей святостью. Индивидуальная гордость, согласно общему признанию, – свойство дьявола, а коллективная гордость, согласно общепринятому в современном православии предрассудку, – залог благоволения Божия. Что-то здесь не так.

Если коллективная гордость – высшая мера верности Богу, то вот перед нами евангельский пример иудеев, состязавшихся в верности всем 613 заповедям Торы и всем заветным чаяниям Израиля; готовых устранить всякого, кто посмел бы стать им наперекор. Перед нами ясно высказанная евангельская оценка такого душевного настроения.

Сколько раз доводилось слышать такого рода суждение. Да, я знаю, – говорит православный, – католиков (протестантов), которые живут благочестивее нашего, и вообще они лучшие христиане, чем мы, я понимаю их искренность в вере, но все равно ведь они вне Церкви, так что все это пустое благочестие.

Самое удивительное, что говорится это совершенно спокойным тоном, как будто так и нужно, как будто так и должно быть. И при этом никак не задумается человек, отчего же они, сущие вне Церкви, оказываются христианами лучшими, чем ревностные чада Церкви. А может быть, именно ревность по Церкви и портит человека, делает его худшим христианином?

Поздневизантийское православие оставило нам одну меру борьбы не только с еретиками, но даже с теми, кто окажет-

ся несогласным в частных и поздних вопросах богословия или предания. Эта мера – высшая. Анафема. Промежуточных мер воздействия нет. Синодик недели Православия со списком всех анафем разбух до невероятности. На любого говорящего и пишущего при желании можно что-то найти. (Уточним, что в Русской Церкви в неделю Православия читается лишь около десятка анафематизмов на самые грубые ереси.)

Это ли эталон Православия?

Этим ли принципом руководствовались великие Отцы IV–VII веков?

Этот ли принцип поддерживал древнее церковное единство?

Как радовались святые Отцы (например, Златоуст во множестве своих слов), как радовались церковные гимнографы – по сути, все песнописцы, чье авторство мы можем проследить по богослужебным книгам, – как радовались они тому, что мы, бывшие язычники, потерянные овцы – найдены, мы, дикие розги, привиты к природной маслине. *Языцы восплещите, евреи восплачьте*, – вот гимн преп. Андрея Критского в день Преполовления Пятидесятницы. В нем не ненависть к иудейству. В нем – радость о том, что на Своем пиру Отец дал место всем, кто почит верою и любовью брак Его Сына.

Старая притча на новый лад.

Жил-был пастух. У него было сто овец. Как-то одна из

них **не** заблудилась, а 99 пропали. Пастух говорит: я пойду их искать. Овца визжит, словно ее режут: «Нет, не ходи, они сами ушли, они сами должны вернуться, они еретики!»

Скорректируем цифры.

В мире около двух миллиардов человек (на 2000 год) относят себя к христианам. Из них православных, вместе с монофизитами и несторианами, только десятая часть – около 200

миллионов. Из них неофициальных православных, вместе взятых – наверное, тысячная часть.

Сколько человек, примерно, в нашей церкви?

Мы застали христианский мир разодранным.

В древние времена 95 овец у Пастыря составляли видимое церковное единство. И только пять паршивых овец, выскочек, сделались упрямыми злыми козлищами, бодались и брыкались, никак не желая возвращаться к общему стаду. Их не вернешь ни на плечах, ни дубиной. Со временем процент козлищ, может быть, мог и нарастать, откуда же мы можем такие вещи знать точно?

Можно ли святоотеческие мерки отношения к ним переносить на сегодняшний день, когда расколы и разделения исчисляются веками? Множество христиан, с которыми мы разделены, начали с того, что разорвали с теми, кто сам порвал с отцами нашими.

Мы пришли к разбитому церковному сосуду. Не к разбитому даже, а к мелко раскрошенному. Там же, где сохра-

нилась видимость единства, она хранится недопустимо дорогой ценой. Половина всех христиан в мире объединены под главенством Римского папы, «викария Христа». Можно ли православным дать такую цену за церковное единство? Ведь это объединение не в Самом Христе, а в его «викарии». Под московским патриархом тоже много людей. Какой ценой найдено это единство? Кем построена, чем скреплена и как поддерживается эта единая система? Разве Святым Духом? Все знают в глубине души, что нет, что лучше всего единит не подлинное единодушие, а вялость, безразличие, привычка следовать за большинством и начальством и глубокая житейская связь с организацией, с системой. Если православные люди не выходят из официальной патриархии, то вовсе не потому, что им все там нравится и что они ее любят. Просто понимают, что идти-то особо некуда, к тому же и рвать все скрепляющие связи очень тяжело.

В итоге, нас, неофициальных православных юрисдикций сейчас уже не меньше, чем протестантских номинаций. Если искать единства не под авторитетом папы и не по приказу Политбюро ЦК КПСС, то такого единства найти не удастся.

Пятьдесят лет бился над проблемой христианского единства экуменический Совет, да так ничего и не добился. На встрече со студентами Московской Академии и Семинарии в 1990-х годах генеральный секретарь ВСЦ Конрад Райзер признал, что единство христиан может быть только даром Божиим. Странно, однако, почему он не сделал вполне ло-

гичный отсюда вывод и не распустил свой ВСЦ, как такое собрание людей, для которого не остается больше предмета и цели деятельности. Ведь дар Божий нужно смиренно ждать, а не пытаться его сделать своими руками.

Но вопрос совсем в другом.

Разве обстановка всеобщего разброда разрешает нам быть чванливыми и нетерпимыми друг к другу? Если пленение Церкви политическими нехристианскими силами или богословский папизм мы признаем недопустимой ценой за приобретение христианского единства, то чисто иудейское презрение ко всем неправославным и прочим православным, не принадлежащим к нашей группе, – не слишком ли это дорогая цена за какую угодно догматическую или каноническую чистоту?

Может быть, в рай возьмут человека, заблуждающегося в догматах и преданиях. Но презрительного и ненавидящего возьмут туда едва ли.

И разве Сам Христос сейчас хуже нас понимает обстановку в христианском мире? Ведь наверное, у Него, желающего *всем спастися и в разум истины прийти*, сейчас есть какие-то свои, новые оценки людей и методы действия. Едва ли Он сам рассматривает современных заблудших христиан категориями 2–3 века.

Божественные оценки меняются со временем. Это так, независимо от того, нравится ли нам это или нет. Рассмотр-

рим пример Маккавеев.

Книги Маккавейские показывают нам национально-освободительную борьбу иудеев при Антиохе Епифане с полным ее одобрением. Эти книги признаются православным и католическим миром и не признаются иудейством. У иудеев есть только праздник Ханука (известный в Евангелии, как праздник очищения), установленный в честь победы Маккавеев.

Православные отцы составили похвальные слова в честь мучеников-Маккавеев и установили день их празднования – 1 августа. Интересно, найдется ли какой-нибудь православный человек, который встал и сказал бы: нет, это все еврейские бунты, жестокости и суеверия, а Бог вовсе не благословлял борьбу Маккавеев? Да еще приведет в подтверждение слова из Маккавейских книг, показывающие примеры неоправданной жестокости евреев-победителей по отношению к своим отступникам и иноплеменникам.

Думается, едва ли кто рискнул бы высказаться открыто в таком духе, и, во всяком случае, он не приобрел бы много сторонников. Несмотря на неизбежные жестокости войны, Бог благословил борьбу иудеев в то время за очищение Храма и восстановление отеческого Закона. Иначе просто не было бы победы.

Но вот проходит двести лет. Эллинистическая оккупация сменяется римской. Конечно, римляне не в пример Антиоху, уважали еврейскую веру. Бывали отдельные эксцессы, когда они не желали подчиняться всем ее тонкостям (например,

хотели внести изображения кесаря в Иерусалим), но и тогда умели отступить под натиском мирных (а чаще полу-мирных) требований иудеев. Но в целом Израиль считал себя и под римлянами в духовом плену, в изгнании, в порабощении. Евреи постоянно утешались и вдохновлялись примером Иуды Маккавея и постоянно точили топор войны.

Но Божия оценка национально-освободительной борьбы еврейского народа за это время изменилась на прямо противоположную. Иисус явно не одобрил эту борьбу. Последующие события Промысла яснее ясного подтвердили, что именно Он был прав.

Такое крутое изменение Божией оценки оказалось вызвано временными, случайными, преходящими политическими изменениями. Ведь это оценка именно временных мирских земных дел. От Моисея до Маккавеев Израилю в его борьбе с язычниками позволялось все: любая жестокость, любая военная (как у Юдифи) и любая мирная (как у Эсфири) хитрость. А теперь – полностью наоборот.

Ирония судьбы? Нет, Промысел Бога, Любящего Бога – Отца и Сына и Святого Духа!

Так и у нас. Если прежде отношение Церкви к еретикам бывало оправдано жестким (и то еще всегда ли оно оправдано было?), то нам теперь нельзя ничего копировать слепо. Нужно думать, вникать, понимать. Нужно разуметь и внешние условия бытия Церкви, и собственное наше внутреннее состояние в нашем внешнем противостоянии. И еретики бы-

вают разные, и состояние Церкви очень изменилось за прошедшие века.

Готовые кальки прошлого уже не всегда работают.

Что общего у нас с еретиками?

Разве то, что нас соединяет, меньше того, что разделяет?

Но сами еретики бывают разными. Для начала нам полезно было бы хотя бы освоить свое сравнительное богословие и сектоведение, узнать какие существуют христианские и околохристианские исповедания, чтобы, например, католиков или лютеран не путать с сектантами. И к разным инославным отнестись по-разному, как это делала Православная Церковь во все лучшие века своей истории.

Нет никакой нужды отказываться от того православного Предания, которое отличает только православных. Есть нужда его изучить и понять. Что исконное, общепринятое и полезное, а что случайное и явно бесполезное, ошибочное, искаженное, внесенное недавно человеческим произволом и «застрявшее».

И все, что есть хорошего и доброго в Православии, можно и нужно засвидетельствовать внешним людям и неправославным христианам. Это им будет полезно и нужно, чтобы пересмотреть свои заблуждения.

Но прежде чем подумать, возможно это или нет, давайте подумаем о другом.

Вот, Пастырь потерял 99 своих овец. Он по поводу этой

ситуации станет ли как-то реагировать? Может быть, он станет на дудочке играть для одной овечки и подарит ей все свое внимание? Может, научить ее погромче блять: «АНА-ФЕМА-А!», и пройтись с этим кличем по горам? А самому сидеть и играть на дудочке?

Кошунственная глупость, скажете.

Да. Но не более кошунственная, чем оценка безблагодатности не истинно-православных сообществ.

Какой это бог, имея два миллиарда взывающих к нему (хотя бы и неправильно) не станет отвечать им всем, не даст себя познать и ощутить почти никому из них, кроме тысячи своих истинных избранных? То есть не подаст им благодати. Как зовут такого бога? Не знаю. Мне кажется, что я верю не в такого, а в другого. И в Евангелии, по-моему, про другого Бога написано.

Так вот, если приточный Пастырь реагирует на ситуацию какими-то действиями, то наш классический вопрос об инославных нужно переформулировать.

Что больше: то, что нас соединяет, или то, что разъединяет? – Это неправильная постановка вопроса. Она бессмысленна, от любого решения проку нет.

Пусть то, что нас разделяет, даже больше. Но соединяет нас не что-то, а Кто-то. А Он больше всяких «что-то». Он больше Храма. Он Господин субботы. Он выше преданий. (При оговоренном только что условии: Он понимает ситуацию и делом реагирует на нее).

Конечно, если Его не признают Богом, единым от Троицы, если не признают Его Искупителем, если не верят, что Он воскрес, что Он придет снова на Суд, если, короче, не принимают Никейско-Халкидонское исповедание, то там обращаются не к Нему, а к какому-то другому богу. Иса Корана, Иисус-Михаил иеговистов, – примеры «мысленных портретов» другого Бога. Но в названные два миллиарда входят только христиане-никейцы, которые знают и принимают наш Символ веры. Мусульмане и сектанты туда не включаются. Единственно, 9-й член все понимают по-своему. Но сказать, что у всех у них разный Бог нельзя. Для всех этих двух миллиардов Бог – Троица, для всех Иисус – Богочеловек и Искупитель, Воскресший и паки Грядущий.

И чем большей реальностью для нас является Церковь, чем скорее наш 9-й член перелезает в сознании на первое место со своего девятого, чем пухлее наш анафематный синодик, чем важнее для нас все разъединяющие факторы и кристальная чистота, тем меньшее место в нашей душе занимает Он – Пастырь целых ста овец. То есть двух миллиардов. Он, большой Храма, Он – краеугольный камень, так просто небрегомый нами. Мы пренебрегаем Им, постоянно путая Его с нашей собственной церковью, как бы вмуровывая Его в ее стены. А ведь не Церковь сама собою подает благодать, а Он через нее. Не она является Судьей последней инстанции. И если доверял ей Господь ключи, то ведь у Него есть и Свой комплект ключей, чтобы открыть двери в том случае, если

она запрет их по ошибке.

А если Он для нас – реальная духовная реальность, то уже совсем несложно принять, что Он живая реальность и для других. Если Он касался твоего сердца, значит, пора уже допустить, что Он касался и других сердец, которых мы не знаем.

И еще один наш неправильный вопрос снимается: можно ли спастись вне Православия? Ответ отрицательный. Потому что спастись вообще нельзя. Можно быть спасенным (см. Мк. 10, 27 и пар.). А можно ли быть спасенным вне Православия? – Это уже не к нам вопрос, его решает Спасаящий. Спаситель.

Вот вопрос для нас, а не для Него. А ты обрадуешься Его радости по тому поводу, что из двух миллиардов спаслась не одна твоя тысяча? Вот, на выходе из темного туннеля тебя вместо сонма иконописанных святителей встречает сосед баптист и протягивает приветственную руку. Твои действия? Вариант первый: обрадоваться, как хорошо, мол, что и ты здесь. Вариант второй: сказать, что раз здесь такие еретики, как ты, значит, это бесовское наваждение; и нырнуть обратно в туннель.

Так что же? Неужели перед нами проповедь экуменизма?

Нет, экуменизм, особенно в его реальном современном виде, нам никак не нужен. По трем причинам.

1. Он стал орудием мировых глобальных политических

сил для их темных целей.

2. Он упразднил провозглашенное было поначалу троичное исповедание и, по сути, отменил уникальность христианской веры, занявшись

духовным общением с нехристианскими религиями и религиозным синкретизмом.

3. Он узаконил содомитство и феминизм.

В такие дебри мы, конечно, не пойдем. Там мы точно потеряем не что-то, а Кого-то, кто нас объединяет. Мы должны остерегаться саддукейской закваски. Но какая-то христианская солидарность нам все-таки пригодилась бы.

Трудно сказать, какие представились бы нам возможности для свидетельства о Православии инославным. Но по причине современных экуменических безобразий отметить совсем такое понятие о православном свидетельстве, о христианской солидарности, в особенности перед лицом наступающих сект и ислама – это неразумно. Но прежде нужно другое. Понять Евангелие. Отказаться от узурпации Божиего Царства. Отказаться от попыток прикрикивать на Самого Пастыря и предписывать Ему, кого Он (не) до лжей пасти, искать и лечить. Перестать мнить свою церковь непогрешимую. Перестать отождествлять ее с Единой, Соборной и Апостольской.

Вот это нам насущно необходимо. Без этого мы просто погибнем. Погибнем и не будем более существовать как верующие христиане, призывающие Того Самого Иисуса, о Ко-

тором читаем в Евангелии.

Ныне всякой неофициальной православной церкви грозит одна общая на всех опасность – маргинализация. Собрание небольшого кружка лиц, которые все друг другу известны и все друг другу уже порядком надоели, когда практически не бывает людей свежих, нет и свежих мыслей. Самое неприятное, что вокруг кипит своя жизнь (да, она греховная), вокруг погибает много людей, а церковь этого даже не хочет замечать. Она играет в Лота. И это еще называют узким путем.

Открывая дверь язычникам и самарянам, расширяя свое царство на весь мир, на все культуры и традиции, Христос прошел самым узким путем. Его путь был бы гораздо шире, если бы Он не посягал на главную еврейскую святыню – мысль об избранничестве, если бы Он мыслил, как все нормальные евреи – Его современники.

Среди людей, одержимых групповой замкнутостью, переходящей в групповую гордость, начать обращать внимание на тех, кто вне твоей группы – это очень узкий путь. Лично для того, кто на это решится. Сказать иудеям, что Бог и из камней воздвигнет сынов Авраама, а многие от востока и запада возлягут в Царствии, причем сыны Царства будут изгнаны, – сказать такое, значит подписать себе приговор. Узкий путь и путь фанатика – разные вещи. Узость пути – не единственный признак его правильности.

Почему именно мы, неофициальные православные, не из-

носим никакого служения в окружающий мир? Ни слова благовестия, ни дела милосердия. Мы ничем не проповедуем своего Искупителя людям неверующим, и постоянно ссылаемся, что, мол, последние времена, и слушать некому. У нас нет никакого слова или дела для внешних, потому что внутри сердца нашего для них нет ни малейшего теплого чувства. Между тем, у множества других христиан находится и слово, и дело для людей неверующих, погибающих.

Пока Церковь служит людям, то есть несет им Слово Божие, до тех пор она и живет сама. Слишком долго в своей кубышке она не проживет. Конечно, иное время – эпоха гонений. Там совсем другие мерки узости пути и верности Христу. Но когда гонений нет уже давно, жизнь только для себя оборачивается смертью.

Предлагается каждому из нас теснейший путь. Его исходная точка – осознать, что мы, возможно, будем выброшены во тьму кромешную, а из камней будут сделаны чада Аврааму. Это главное. Если эта точка будет пройдена – Господь покажет нам, кому послужить. Ведь однажды Он на вопрос: что нам делать? – ответил просто: верить. Верить, что Он прав со всеми Своими евангельскими изречениями и притчами, больше половины из которых направлены против маленького тесного кружка избранных, загородившихся от остальных. Нужны внутренние изменения сердца. Потом Бог неизбежно перекует их в дела и слова.

Просто нужно понять, что иначе – смерть.

2007 г

Исторические поправки к каноническим рассуждениям Епископ Дионисий

В оборот альтернативного православия прочно введены 1-е правило св. Василия Великого и письма св. Киприана Карфагенского, на которые любят ссылаться в доказательство безблагодатности внецерковных обществ. При этом совершенно игнорируется исторический контекст, в котором писались эти произведения. Между тем, без учета исторической обстановки невозможно правильное понимание ни одного древнего документа. История Церкви первых веков — это не тайна за семью печатями. Она довольно хорошо изучена и давно уже изложена в хрестоматийных трудах церковных историков. Она давно уже стала частью Предания Церкви, которое православному христианину никак не подобает отрицать или игнорировать.

О каких внецерковных обществах упоминал Василий Великий

В канонических посланиях к Амфилохию, митр. Иконийскому, св. Василий говорит о внецерковных обществах с ярко выраженным сектантским характером. **Гидропарасты** или **аквари** – секта, образовавшаяся во второй половине II в. из последователей Татиана Ассирийца, отрицавших употребление вина, мяса, а также осуждавших брак. Их ответвление в Иконии – **апотаكتиты** – отрицали также употребление яиц, молока и шерстяных изделий (см. проф. И.В. Попов Труды по патрологии, т.1 Серг. Посад 2003 г). Это были секты ложно-аскетического направления пришедшие к дуалистическому взгляду на мир, т. е. к догматической ереси. Монтанисты или пепузиане (от города Пепузы, где имели свой центр), также были ложно-аскетической, харизматической сектой, отрицавшей семью, проповедавшие чрезвычайный аскетизм и мученичество. Отрицая церковную иерархию, как обмирщенную, они противопоставляли ей своих пророков-харизматиков. **Новатиане** или кафары, отрицали католическую Церковь, принимающую павших во время гонений, считая себя церковью чистых. **Тетрадиты** или квартодецимане отделились от Католической Церкви, держась за старую малоазиатскую практику празднования Пасхи 14 нисана вместе с иудеями.

Все эти сообщества: 1) какой-то один свой пункт ложно-аскетический или обрядовый делали главным и спасение связывали с ним; 2) отрицали церковную иерархию или имели свою иерархию с нарушенным апостольским преемством; 3) отрицали семью, частную собственность, государство и нормальные общественные отношения, т. е. имели сектантский характер; 4) возглавлялись харизматиками – лжепророками, которые (как например, монтанисты) свои откровения по авторитету приравнивали к Священному Писанию; 5) отделились от католической Церкви уже давно (например, гидропарасты и монтанисты во II в., кафары в середине III в.); 6) продолжали духовно вырождаться и дробиться, показывая тем оставленность их Богом.

Поэтому в безблагодатности этих обществ, не просто отделившихся от Католической Церкви, но и имеющих сектантский характер, сомневаться не приходилось. И св. Василий просто приводил или уточнял отношение к ним предыдущих отцов или соборов.

О каких церковных партиях он не упомянул

Но в своих рассуждениях о трех типах внецерковных обществ (ересь, раскол, самочинное сборище) св. Василий не упомянул основных догматических церковных партий, образовавшихся по поводу тринитарных споров. Весь IV век прошел под знаком борьбы вокруг догмата о Святой Троице, которую вели несколько догматических партий. Этот вопрос достаточно подробно изучен и изложен в трудах ведущих русских богословов конца XIX – начала XX века: профессоров В.В. Болотова, А.И. Бриллиантова, А.В. Карташева. Наиболее обстоятельно этот вопрос изложен в диссертациях профессоров А.А. Спасского «Догматические движения в эпоху Вселенских соборов» и А.П. Лебедева «Вселенские соборы IV и V веков», которые неоднократно переиздавались в последние годы.

Догматические партии IV века возникли после Никейского (1-го Вселенского собора) и различались своим отношением к Никейскому Символу веры. Партии объединяли в своих рядах десятки (и далее сотни) епископов из разных поместных церквей Востока и имели своих лидеров, которые далеко не всегда были предстоятелями главных престолов. Партии собирали свои соборы и вырабатывали свои вероопределения. С другими партиями они, то вступали в об-

щение и собирали общие соборы, то разрывали общение и анафематствовали лидеров враждебных партий. Все партии стремились получить поддержку императорской власти и добиться санкций этой власти против своих конкурентов. Отстраненная от власти партия апеллировала к народным массам за помощью, разжигая страсти толпы. Злоупотребление вмешательством властей и народными мятежами, обилие церковной политики, личных и партийных амбиций, сильно затемняло первоначальный догматический смысл разделения на партии. Догматическая борьба сильно осложнялась церковно-политической борьбой.

При этом в большинстве случаев церковнодогматические партии IV века признавали свою принадлежность **к единой Церкви**. В частности это проявлялось в том, что они боролись за поставление своего кандидата в епископы какого-либо города, но именно одного общего епископа для одной местной церкви, а не ставили отдельного епископа для своей партии. История выборов св. Амвросия в Медиолане или св. Мелетия в Антиохии, которые были выбраны в ходе борьбы партий в качестве компромиссных фигур, это подтверждает. В большинстве случаев не было и воспроизведения таинств для лиц приходящих из другой партии – таинства взаимно признавались. Непризнанием таинств у всех, кроме самих себя, отличались как раз схизматические группы: африканские донатисты, антиохийские павлиниане, люцифериане и прочие. Восстановление единства между партиями Кафоли-

ческой Церкви осуществлялось путем общего исповедания веры и восстановления евхаристического общения.

Основными догматическими партиями Востока были следующие:

1) староникейцы или омоусиане, 2) аномеи или евномиане, 3) омии, 4) омиусиане (подобосущники).

1) **Староникейцы** или единосущники были строго ортодоксальной партией, сохранявшей верность Никейскому собору и не шедшей ни на какие компромиссы. Вождем этой партии долгое время был св. Афанасий Великий. Эта партия поддерживалась римскими папами Юлием, Ливерием, Дамасом и почти всем епископатом Запада. На Востоке эта партия была в абсолютном меньшинстве, свидетельством чего были 6 больших соборов (от 100 до 200 епископов), осудивших св. Афанасия. В их числе считается и Антиохийский собор 341 г, правила которого входят до сих пор в собрание канонов Православной Церкви, причем 12-е и 15-е правило составлены им именно против св. Афанасия (12-е правило запрещает осужденному епископу апеллировать к царской власти, 15-е – ему же запрещает апеллировать к суду епископов другой области). Одной из причин неприятия св. Афанасия большинством восточного епископата было то, что среди его соратников были явные еретики. Например, Маркел, митрополит Анкирский, отец Никейского собора, активный борец с арианством и личный друг св. Афанасия, вместе с учеником своим Фотином в полемике с ари-

анами уклонился в ересь модализма, близкую к савеллианству. Другой близкий друг св. Афанасия и неутомимый борец с арианством, – Аполлинарий, поставленный св. Афанасием в епископы Лаодикии Сирийской, в области христологии выдвинул еретическое учение (аполлинарианство) и, в конце концов, основал собственную партию с особой иерархией. Еще один соратник св. Афанасия – еп. Люцифер Калабрийский, сосланный на Восток из Италии, для партии старо-никейцев в Антиохии Сирийской единолично рукоположил в епископы Павлина, положив начало расколу павлиниан, продолжавшемуся более 70 лет. Сам Люцифер, по возвращении из ссылки основал собственную группу люцифериан, также выродившуюся в секту.

Св. Афанасий в своем Православии был и остается вне сомнения Отцом Церкви. Но в конкретной исторической обстановке он был связан, в т. ч. и личной дружбой, с людьми, которые или, как Маркелл и Аполлинарий, уклонялись в другие догматические ереси, или, как Павлин и Люцифер, основали собственные схизматические группы. Св. Афанасий далеко не сразу решился разорвать со старыми друзьями по антиарианской борьбе. Поэтому, несмотря на защиту Никейского Символа и борьбу с арианством, старо-никейскую партию невозможно было отождествить со всей Кафолической Церковью, а не принадлежащих к ней – зачислить в еретики. Из этой партии вышли, как Отец Церкви – св. Афанасий, так и еретики – Маркелл и Аполлинарий, и схизматики

– Павлин и Люцифер.

2) Левое, собственно еретическое, крыло составляли **аномеи** или евномииане. Основателем их партии был Аэций, а главным лидером – Евномий, еп. Кизический. Эта была партия крайних рационалистов, относительно немногочисленная, имевшая своих сторонников в основном среди тогдашней интеллигенции. Строгими продолжателями Ария были именно аномеи, отрицавшие сотериологические основы христианства, учившие, что

Сын ни в чем не подобен Отцу. С Евномием и его последователями и полемизировали в основном Отцы – Капподокийцы (ев Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов), а также св. Иоанн Златоуст. Крайности Евномия были неприемлемы для большинства епископата Востока, почему он был низложен еще при императоре Валенте.

3) Правящей партией при императоре Валенте были **омии**, исповедавшие Сына «подобным Отцу», без упоминания термина «усия» – сущность. Омии были типичной партией придворного епископата, имевшей наибольшее влияние при дворе. Их лидеры епископы Акакий, митр. Кесарийский, Валент, Урзаккий и другие были политиками и карьеристами. Они отрицали именование ариан («мы – епископы не можем называться по имени пресвитера»). В конце 350-х – начале 360-х годов омии собирали немало больших соборов вместе с партией омиусиан (Селевкийский, Лампсакский, Ариминский, Никский, Сирмийский, Константи-

нопольский и др.), которые приняли несколько двусмысленных исповеданий, открывавших дверь для арианских толкований, хотя и избегавших прямых арианских формулировок. Эти формулы омиев (напр. Константинопольского собора 360 г.) подписали по невежеству или под давлением власти многие епископы Востока «из простецов» (например, Григорий, епископ Назианза, отец св. Григория Богослова), которые сами не были еретиками, но не в силах были разобраться в богословских тонкостях, а потому состояли в общении с настоящими еретиками из партии омиев. Из партии омиев вышли такие деятели православия, как св. Мелетий Антиохийский и св. Кирилл Иерусалимский, рукоположенные именно омиями, но впоследствии отвергшие их исповедание. При этом стоит подчеркнуть, что ни св. Мелетий, ни св. Кирилл не были признаны тогда ни старо-никейской партией (считавшей их «арианами»), ни никейскими епископами Запада во главе с римскими папами. Только II Вселенский собор окончательно подтвердил их православие, а позднейшая Церковь причислила их ко святым. Это обстоятельство показывает, что и партия омиев не была сплошь собранием еретиков, но пестрым образованием.

4) Наиболее многочисленной партией восточного епископата была партия **омиусиан**, исповедующих Сына «подобным по сущности» Отцу. Возникшая в 40-х годах IV века она, с одной стороны, решительно отвергала Ария и Евномия – почему неверно ее название «полу-арианской», кото-

рое иногда употребляют. С другой стороны, она не признавала Никейскую формулу «единосущный Отцу» и «из сущности Отца». Основанием для этого непризнания было, во-первых, отвержение этого термина («единосущный») большим Антиохийским Собором 268 г. (фактически вселенским), собранным против ереси Павла Самосатского. Во-вторых, этим термином пользовались савеллиане и такие защитники Никейского Символа, как Маркел Анкирский и Фотин, что отталкивало омиусиан.

Грехом омиусианской партии было то, что она вместе с партией омиев, на своих соборах несколько раз осуждала св. Афанасия. Западные епископы, поддерживающие св. Афанасия, всех омиуссиан считали арианами. Но это было несправедливо. Один из лидеров подобосущников – св. Марк, епископ Арефузский, претерпел мученичество при императоре Юлиане. Именно к этой партии принадлежали Дианий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, крестивший св. Василия Великого и возводивший его в диаконы и пресвитеры, и отец св. Григория Богослова – Григорий Назианзин-старший. В 360-х годах из этой партии выделилась партия «духоборов» или так называемых «македониан» (по имени Константинопольского епископа Македония) и ложно-аскетическая группа Евстафия, епископа Севастийского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.